Обитатели Большого Зала в потрясенном молчании наблюдали, как Кубок Огня выплюнул четвертый кусок пергамента. Послышалось тихое бормотание, когда Дамблдор подобрал доносившуюся из воздуха бумажку. Удивление на его лице казалось неподдельным, хотя и не доходило до его глаз. Он медленно развернул пергамент и слегка обмяк.

За гриффиндорским столом, как только Кубок начал танцевать, извергая четвертое имя, у Гарри сжалось сердце. «Нет, нет, нет», — пробормотал он про себя, не понимая, что его мысленная мантра была произнесена вслух. Мягкая рука на его плече вселяла в него молчаливое утешение, пока он смотрел на дымящийся кусок пергамента, который, как он только что знал, был судьбой, снова ударившей его ногой по камням.

"Гарри Поттер."

"Нет." На этот раз он был громче, позволяя услышать его не только его лучшему другу. Холодная яма, заменившая его желудок, замерзла, когда директор обратил на него взгляд.

"Гарри Поттер!" На этот раз голос директора был более сильным. Он чувствовал, как Гермиона мягко толкает его, пытаясь заставить встать.

«Тебе лучше уйти, Гарри, но ни на что не соглашайся», — прошептала она ему, когда тепло распространилось от того места, где ее рука прижалась к его спине.

Медленно, чувствуя на себе все взгляды, Гарри встал. Он оглянулся на стол и своих друзей, чтобы оценить их реакцию. Невилл, Дин и Шеймус казались потрясенными, на их лицах застыло изумление и недоверие. Девочки их года были в таком же состоянии; Лаванда даже открыла рот. Рон был явно шокирован, но в нем было что-то еще, намек на гнев и возмущение. Он подумал, что это было несправедливо, но когда их взгляды встретились, гнев вспыхнул, и Гарри понял, что Рон злится на него . Он понятия не имел, почему, но, достаточно часто наблюдая печально известную вспыльчивость Уизли, он знал, что это определенно было целью гнева его друга.

Гермиона была единственной, кто смотрел на него с поддержкой, как всегда. Даже в прошлом году, когда она пошла к МакГонагалл, это было сделано для того, чтобы помочь ему. « Это было почти так, как если бы…» Ход его мыслей оборвался, как всегда, когда он думал о Гермионе. Потребовалось некоторое время, чтобы привыкнуть к этому, но он никогда не мог думать о Гермионе как о чем-то большем, чем друг, это было похоже на то, что его мозг отключался, когда его мысли дрейфовали в этом направлении. Это раздражало, «потому что она была бы потрясающей…» и снова оборвалось. По крайней мере, она поддерживала его сейчас.

«Гарри, присоединяйся, пожалуйста, к другим чемпионам», — приказал Дамблдор, подходя к возвышению, где стояли Дамблдор и Кубок. Гарри начал поворачиваться к двери, когда предупреждение Гермионы остановило его. «Ни на что не соглашаться».

"Нет." Его слова затерялись в нарастающем шуме, когда студенты повернулись к своим соседям, чтобы спросить, что происходит.

— Прости, Гарри? Дамблдор слышал его, не уверенный в том, что он на самом деле сказал.

— Я сказал «нет», директор, — на этот раз Гарри заговорил громче, снова поворачиваясь к старому волшебнику. «Если я пойду туда, я приму, что я чемпион. Это не так!»

"Простите?" Удивленный вопрос Дамблдора был слышен через зал, когда шум снова стих. Всеобщее внимание вернулось к помосту, а развлечение продолжалось.

— Я сказал, что не присоединюсь к чемпионам, — медленно проговорил Гарри, явно злясь. «Если я это сделаю, я, возможно, соглашусь соревноваться. Я отказываюсь».

— Боюсь, это не имеет значения, — глаза директора заблестели, как будто успокаивая истеричного малыша. «Твое имя вышло из Кубка, значит, ты чемпион».

«Как я могу стать чемпионом? Это Турнир Трех Волшебников , у тебя уже есть три чемпиона из трех школ. Хогвартс — моя школа, и в ней уже есть чемпион в лице Седрика Диггори». Гарри почувствовал изменение отношения со стороны Хаффлпаффа, когда замешательство сменило враждебность, которую он чувствовал раньше. «Кроме того, я несовершеннолетний и, следовательно, не имею права».

«Боюсь, Кубку наплевать на возраст». Директор схватил его за руку и попытался потащить Гарри к двери в приемную, явно пытаясь перевести этот спор в более приватную обстановку.

"НЕТ!" Гарри выдернул руку из хватки директора.

«Гарри, это твое имя, ты обязан соревноваться». Дамблдор сунул кусок пергамента ему в лицо, как будто, увидев его имя, Гарри передумал.

«Очевидно, это было вырвано из моей домашней работы», — возразил Гарри, взяв оскорбительный кусок пергамента. «Я не вводил свое имя, я никогда не хотел , чтобы мое имя вводилось. Как что-то может связать меня, если я никогда не взаимодействовал с этим? Очевидно, кто-то другой ввел мое имя, почему это не было защищено от этого? ?"

«Здесь не место обсуждать такие вещи, Гарри», — Дамблдор снова попытался схватить его за руку, и Гарри отступил от его досягаемости… прямо в Кубок.

Кубок Огня был древним, и его история началась гораздо раньше, чем многие предполагали. Он действительно был выкован гоблинами, но ему десятки тысяч лет. Впервые он был наделен силой суждения, когда человек едва открыл для себя огонь, и, как и все магические предметы,

его магия углублялась по мере старения. Он также обрел своего рода разум, хотя большую часть времени спал. Однако, когда Гарри коснулся Кубка, он проснулся.

Кубок почувствовал волшебство мальчика, касающегося его, и сжался. На этого мальчика было наложено так много заклятий… подожди… это его выбрали? Мальчик проводил свой отбор в четвертую школу. Четвертая школа? Кубок окутывался изумрудным пламенем, сжигая магию, сбившую с толку его во сне. Гарри, все еще касавшийся Кубка, тоже был объят пламенем.

Ощутимый гнев захлестнул Кубок, когда его огонь взревел высоко в зале. Кубок был в ярости. Кто-то пытался обманом заставить его навредить этому мальчику, этому маяку магии, окруженному слоями и слоями заклинаний. Пришло время изменить это.

Послышались вздохи, и те, кто был ближе всего к Кубку, сжались, когда пламя стало пурпурным и разгорелось ярче. Только один человек осмелился подойти ближе. Гермиона стояла и смотрела, пошатываясь, пытаясь помочь Гарри. К тому времени, как она добралась до него на полпути, все вокруг, казалось, замедлилось. Она решила, что это был адреналин, страх, ускоривший ее реакцию, но потом она увидела, как медленно двигались все остальные.

Яркое сиреневое пламя вспыхнуло у ног Гарри, и огненное кольцо начало подниматься вверх по его телу. Гарри чувствовал, как поднимается тепло, но это никогда не болело. На самом деле, его тело чувствовало себя потрясающе под медленно поднимающейся линией огня, даже старые раны, которые так и не зажили должным образом, перестали болеть. Когда он достиг его груди, стали видны черные кольца. Когда каждый из них был поглощен пламенем, Гарри почувствовал, как с него снимается тяжесть, как будто кто-то, пытаясь задушить его, освободил его. Небольшое пламя осталось над его сердцем, пока остальные продолжались. Он остановился у его плеч, когда ветви скользнули по его рукам, только для того, чтобы поглотить пергамент, который он все еще держал в руке, и залечить старые раны. Затем огненное кольцо продолжилось, и туман в его мозгу рассеялся, когда раздался крик, и его шрам запульсировал.

Гермиона была, вероятно, единственной, кто все еще двигался, хотя и медленно. Все остальные словно замерли. Она с ужасом наблюдала, как фиолетовое пламя достигло шрама Гарри, и тот взорвался. Болезненная черная гнойница сползла по его лицу, прежде чем огонь поглотил ее, прежде чем из шрама Гарри появилось черное облако. Пламя стало красным и поглотило тень, не давая ей спрятаться, обжигая ее светом, пока она тоже не была поглощена.

Кубок ненавидел темноту, и эта… эта штука внутри мальчика была очень темной. Однако было что-то еще, что-то, что нашел его огонь. Связь, затемненная и отвергнутая заклинаниями и зельями, но все еще процветающая. Это было что-то хорошее, что мог восстановить огонь, и этот мальчик заслуживал любого добра, которое он мог получить после того, как эти заклинания были на нем.

Единственное пламя, которое оставалось у груди Гарри, начало двигаться. Он не сильно вырос, но и Гарри, и Гермиона наблюдали, как он, казалось, выжигал тьму из тонкой серебристой нити, двигаясь от Гарри к Гермионе. Чем больше раскрывалась нить, тем лучше себя чувствовал Гарри и тем больше он относился к своему лучшему другу. Когда она, наконец,

дошла до нее, он почувствовал, как в него вливается ее вера и уверенность. Он чувствовал любовь и преданность, и любые вопросы, которые у него были по поводу истинности этих чувств, исчезли, когда их взгляды встретились, и их связь вспыхнула.

То же самое пламя, что очистило Гарри, очистило и ее, сняв с нее любое влияние заклинаний и зелий. Затем, как только она почувствовала себя такой же чистой, как и Гарри, оба почувствовали, как фокус Кубка сместился. Тьма, заразившая мальчика, как болезнь, исчезла, но Кубок все еще чувствовал ее связи. Там были и другие паразиты той же самой тьмы, она все еще чувствовала щупальца. Пришло время очистить их от этого мира и того, кто напал на этого мальчика.

Время, казалось, возобновилось для остальной части толпы, когда из пурпурного пламени поднялись шесть алых сфер. Пятеро выстрелили в сторону, один вверх, а остальные в разные стороны, но в основном на юг. Последняя сфера попала Грозному Глазу Грюму прямо в грудь. Взрыв взорвался, обернув багровые цепи вокруг сопротивляющегося человека. Кубок осудил его, потому что это он вошел в мальчика. Нет, не этот человек, а человек внутри.

Все в зале смотрели, как Грюм, казалось, таял, его кожа пожиралась пламенем. Его жуткий волшебный глаз выскочил, а его деревянная нога с лязгом упала на землю, когда настоящие части тела заменили их. Все смотрели на трансформацию, пока перед ними не встал еще один мужчина. Темноволосый и рычащий, гораздо более худой человек боролся и боролся, но не мог вырваться из своих пут. Он закричал, когда вспыхнуло пламя, и из его рта вырвался бледно-голубой туман. Когда вышли последние испарения, человек обмяк, упав, как мешок с картошкой. Туман преднамеренно направился к Кубку, где его тоже поглотило пламя.

Гарри почувствовал приглашение краем сознания и понял, что оно исходит от Кубка. Он доверял этому предмету, он освободил его от столь многого и знал, что сохранит его в безопасности. С другой стороны, он также был уверен, что в Хогвартсе ему будет небезопасно. По его руке пробежала дрожь, когда рука Гермионы взяла его, и он оглянулся на нее. Ее улыбка была всем, что ему было нужно, чтобы принять решение.

На этот раз не было ни фанфар, ни вспышек света, огонь Кубка просто погас. Чаша была пуста, никаких объяснений не было дано. А когда огонь исчез, исчезли и Гарри Поттер, и Гермиона Грейнджер.

http://tl.rulate.ru/book/77742/2335156